

ЭВА ГРИНЕРС

МЕДОВЫЙ ДОМ

княжны Полины

*Счастье
не наследуют.
Его создают.*

18+

Эва Гринерс

Медовый дом княжны Полины

<https://litres.ru/74054264>

SelfPub; 2026

Аннотация

После предательства самых близких людей попасть в тело юной княжны, отец которой богат и влиятелен - это ли не счастье? Только не стоит заранее радоваться - не всё там мёдом намазано!

Ну а коль не намазано - значит надо взять и намазать! Правда, потрудиться княжне Полинке на пути к своему счастью и успеху придётся не меньше, чем пчелкам на пасеке.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Эва Гринерс

Медовый дом

княжны Полины

Глава 1

Я вышла из магазина с пакетами. Так бывает: вроде бы ничего не нужно, а накупила... Свежая булочка, кефир, две пачки масла, творог... На выходных можно испечь что-нибудь. Лёня любит королевскую ватрушку с лимоном.

От этой самой королевской ватрушки мысль моя резко свернула в реальность.

В этот момент ноги как будто бы запнулись обо что-то невидимое, и я чуть не упала, еле удержав пакеты перед собой. Наверное, я выглядела в этот момент смешно со стороны: двое мальчишек в нескольких шагах захихикали, глядя на меня и показывая пальцами.

Я улыбнулась им, а у самой слёзы застлали глаза сплошной пеленой, и я перестала что-либо видеть. Так и застыла с этими пакетами на вытянутых руках, а лицо скривилось. Я сдерживалась, чтобы не заплакать.

Мальчишки подлетели ко мне с двух сторон с криком:
- Тётяшка, осторожней!

- Вот здесь лавочка на остановке, садитесь.

Усадив меня, они неловко топтались рядом, не зная, что дальше делать.

- Спасибо, ребята. Спасибо большое. Сейчас всё пройдёт.

Пацанята ушли, громко обсуждая происшествие, а я разжала пальцы и опустила пакеты прямо на грязный асфальт. Кому всё это нужно теперь? Очнись...

Именно сегодня, час назад, я узнала, что у моего мужа Лёни есть молодая любовница. И что он уходит от меня к ней. И что наш сын Егор его от души поздравил с принятием решения. Одобрил.

Случайно узнала, но обо всем сразу. Стояла у дверей собственной квартиры, замерев от непонимания и ужаса и слушала:

«Нашей Клуше сказал уже?».

«Чемоданы собираю - скажу».

«Ну давай, бать, удачи. Каролине привет».

Они оба называли меня Клушей. Сыну ещё совсем маленьким подхватил это от отца. И в остальном полностью копировал его отношение ко мне: снисходительное, чуть насмешливое.

И предали оба сразу.

Так что в магазин за кефиром для Лени я ушла просто по инерции, тихо-тихо прикрыв за собой дверь. И только сейчас наступил момент осознания...

Опять подступили слёзы. Поскольку я уже удобно сидела

на скамейке автобусной остановки, и руки мои были не заняты, я вполне могла дать волю слезам и оплакать свою ничемную жизнь.

Благо вокруг меня было ни души. Да и, впрочем, какая разница.

Закрыв лицо ладонями, я всхлипывала вспоминая. Муж на мне женился по совету своей авторитарной матери, которая сказала: «Хорошая жена выйдет из Полины, послушная. Женись».

Я тогда была дурочкой, каких поискать. Да ещё и влюблённой: он же красивый был, Лёня. И умный.

Старалась соответствовать оценке, данной мне свекровью: быть послушной. И какое-то время действительно считала, что у нас счастливая семья. Дом, благодаря моим усилиям, сиял, был уютным. Муж и сын ухоженные. Только с годами начала понимать, что я не с ними, а при них. Удобная, незаметная. Как хорошая прислуга. Долго и упорно я отгоняла от себя эту мысль.

«У нас хорошая семья. Другие вон как живут... А мы даже не ссоримся».

Конечно, мы не ссорились. Мы даже не разговаривали: Лёня всегда был или занят, или слишком устал. Зато отцом был отличным, сын от него не отлипал. «Радоваться надо», - убеждала я саму себя и радовалась тихонько.

До сегодняшнего дня.

Я попыталась вспомнить, когда была по-настоящему

счастлива. Воспоминания немедленно увели меня в детство, которое я провела с дедом на его пасеке. Воздух, наполненный солнцем, сладким запахом липы и цветов-медоносов. Гудение пчёл, которых дед называл «труженицами».

Он рассказывал мне о них невероятное количество забавных и интересных историй. Я знала, что в пчелиной семье есть рабочие пчёлы, трутни, охранники, царица-матка. Знала, сколько мёда можно собрать с одного улья, а сколько нужно оставить жужжалкам для зимовки.

Уже лет в шесть я была вполне себе опытным пчеловодом, во всём помогая деду.

Повинуясь внезапному желанию, я встала со скамейки и перешла дорогу: оттуда маршрутки шли на вокзал. А с вокзала на электричке до дедовского участка, где раньше находилась наша пасека, было всего два часа езды.

Пакеты с продуктами я оставила на остановке, пусть кто-нибудь заберёт. А сейчас мне во что бы то ни стало нужно было оказаться в месте моей силы. Там, где я была счастлива когда-то. Хотя бы для того, чтобы начать всё сначала.

В электричке на меня сочувственно поглядывали люди, поэтому я догадалась достать пудреницу и посмотреть на себя в зеркало. Так и есть, панда во всей красе. Тушь с ресниц равномерно распределилась под глазами и затекла в морщинки. Отвернувшись к окну, я принялась тереть лицо платком, чтобы не пугать пассажиров.

Стоял жаркий май. Мой любимый месяц. Вагоны были за-

биты дачниками с вёдрами и тяпками.

Напротив меня сидел щуплый пожилой мужчина, уже дедушка, со смешной клиновидной бородкой. У моего деда борода была густая, окладистая, вся седая, сколько я себя помнила. Да и сам он был крупным и крепким как дуб. С широкими округлыми плечами.

И тем не менее, мужчина напротив чем-то мне деда напомнил. Может быть, внимательным, цепким взглядом. В руках он держал какой-то садовый инструмент, заботливо завёрнутый в мешковину.

- Не расстраивайтесь так сильно, - проговорил он вдруг тихонько, наклонившись ко мне. - Знаете, так бывает: что сегодня кажется крахом, потом оказывается благом.

Я попыталась улыбнуться ему.

- Это же обычное утешение. Но вы правы, ничего другого думать не остаётся. Только то, что всё к лучшему.

Дядечка заговорщицки подмигнул.

- И это истинная правда. Всё на самом деле к лучшему - это закон. Знаете, в одной очень мудрой книге написано: «... кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет». Что бы ни случилось: крупные неприятности, мелкие - принимайте их с благодарностью. И тогда этот закон будет работать. Ну-с, всего доброго вам. Моя станция.

Он приподнял старомодную сетчатую шляпу и направился к выходу, держась за скамейки. Я проводила его взгля-

дом. «Легко сказать: с благодарностью». Впрочем, мне стало немного спокойнее. Унялась внутренняя дрожь, и я смогла глубоко вздохнуть.

На моей станции мало кто вышел. Место было не очень популярное среди дачников. По каким-то причинам строиться здесь было нельзя, коммуникаций не было. Одни сплошные лохматые сады. По большей части заброшенные.

Лёня часто сетовал, что этот мой участок было никак не продать. А я молча радовалась этому.

Ноги сами пошли по знакомой дороге. Хотя пешком не ходила от станции уже много-много лет. Несколько поворотов, потом небольшой пролесок. Здесь было так приятно, что я задержалась неволью, шла не торопясь. Разглядывала то филигранную паутину меж ветвей дикого малинника, то прислушивалась, нет ли характерного гула диких пчёл. С дедом мы несколько раз ходили отселять новые лесные семьи в ловушки, чтобы обновить семейства нашей пасеки.

Кстати, когда моя мама узнала об этом, то устроила дикий скандал: «Подвергать ребёнка такой опасности! Да у вас ни совести, ни сердца! Всё! Больше она к вам ни ногой!»

А я стояла за дверью, подглядывая в щёлочку, пока что только радуясь, что меня не отшлёпали. Не понимая, отчего у деда мелко-мелко дрожит борода.

Наконец-то я добрела до нашей «улицы», если эту дорогу можно было так назвать. Мы здесь были в прошлом году с мужем. Вспомнила, как я пошла проверить участок: хотя

что там проверить? А Лёня остался в машине, лихорадочно набирая что-то в телефоне.

Внутри резануло как будто прямо по сердцу. Как же долго можно было ничего не замечать...

С трудом размотав проволоку, которой была замотана калитка, я шагнула на участок. Более серьёзных запоров не требовалось: воровать здесь было нечего. Дедовская подсобка, где хранились инструменты, давно развалилась. А ульев не стало ещё раньше.

Шагая по густому ковру из клевера, я вдыхала запахи из детства, которые ничуть не изменились за столько лет. Пахло цветами, землёй и травой. Если бы можно было остаться здесь навсегда...

Я понимала деда, который пестовал во мне любовь к этому месту. Пожалела вдруг, что не сохранился тот самый дощатый сарайчик со старой буржуйкой. Дед заваривал нам с ним густой, почти чёрный чай с листьями липы и мяты, и мы пили его из блюдец. Разумеется, с мёдом. Я любила пожевать соты. Они так забавно лопались во рту, отдавая своё ценное: вкус лета, пыльцы, пчелиного труда, жгучую сладость.

На участке находилось ещё одно знаковое для меня место - старый-престарый дуб. Дед утверждал, что ему не меньше трехсот лет. В мои шесть это казалось вечностью.

Я присела прямо на траву, облокотившись на «старика», чувствуя через тонкое платье вековые неровности его коры. Было ощущение, что я маленькая, прислонилась к плечу де-

да, и у меня, как в детстве, смыкаются глаза от усталости.

Солнце спряталось за облака, и опустился неровный клочковатый туман. Пора было уходить, возвращаться. Но очень не хотелось терять это ощущение детства... я закрыла глаза, погрузившись в сон.

Проснулась я резко, как от толчка. Сердце билось учащенно, а в горле пересохло. Я пошарила рукой вокруг себя, чтобы нащупать сумку, в которой всегда болталась маленькая бутылка воды. Сумки не было.

Неловко поднялась, оглядываясь в панике. И только после этого обнаружила, что на мне нет обуви. Я невольно вскрикнула от страха, как будто вдохнула резко. Что произошло, пока я спала? Сколько прошло времени?

Картинка вокруг меня неувовимо изменилась. От этого кружилась голова, мозг сопротивлялся это воспринимать.

Наверное, я сошла с ума... Нужно было выбираться отсюда, найти людей. Кто-нибудь мне поможет.

Подгоняемая страхом, я побежала очень быстро к ограде... которой тоже не оказалось на месте!

Глава 2

Отчаянно закрутив головой, я вдруг заметила в стороне бревенчатые строения и, не задумываясь, кинулась туда.

Скорее, скорее! Может, у меня какое-нибудь временное помешательство от стресса. Уколют успокоительное, отлежусь.

Я бежала очень быстро, отмечая где-то на подсознании, что не болят колени и спина, нет одышки. Бежала, как в детстве: легко, быстрее ветра.

Почти что добежав до строений, настоящих деревенских срубов, я услышала, как кто-то зовёт меня по имени.

- Полина! Полинушка!

Ко мне приближалась женщина, махала мне рукой, чтобы я остановилась. Видимо, она уже долго бежала, потому что схватилась за бок и остановилась, переводя дыхание.

Я неуверенно сделала несколько шагов по направлению к незнакомке. Она знает меня или с кем-то перепутала?

- Что ж ты меня гоняешь по всей округе? Батюшка злой, как черт, аж борода во все стороны торчит. Я сказала, что ты заскучала, да с девками в лес пошла. Только наши все вернулись давно, а тебя нет и нет. Ох и озлился он! Говорю: да зашла к кому-нибудь, сейчас будет. Фух, в боке колет, ажно заходится... Я свою погибель через тебя точно получу!

Женщина цепко схватила меня за руку и повела за собой.

От шока я не могла произнести в ответ ни слова, поэтому просто подчинилась и пошла за ней. Голова моя взмокла от палящего зноя и страха. Чтобы чуть успокоиться, я стала смотреть по сторонам, чтобы отвлечься. Вокруг жизнь прямо-таки кипела. Что-то строилось. Какие-то бабы, мужики... козы, куры.

Когда здесь успели отстроить целую деревню? В прошлом году ничего такого не было, это точно. Может быть, как их там... которые изображают прошлое, шьют наряды... точно косплееры или реконструкторы! Это было более-менее подходящим объяснением, и мне стало немного легче. Конечно, вопросов всё ещё было больше, чем ответов, но в голове прояснилось.

Я вспомнила про систему дыхания, которая помогает успокоить сердцебиение, и принялась считать про себя: вдох - раз-два три-четыре, дыхание задержать - раз-два-три-четыре, выдох - раз-два-три-четыре...

Женщина, которая вела меня, крепко держа за руку, продолжала что-то бормотать в духе того, что я неблагодарная, дерзкая, и батюшке хоть раз бы нужно было бы меня выпороть. И что она берёт грех на душу, прикрывая меня. Что была бы жива моя бедная матушка, она еще раз умерла бы от такого позора.

Весь этот поток я слушала без интереса, как жужжание мухи, которое лично ко мне отношения не имеет. Тем временем упражнения с дыханием немного помогли, и я уже

не чувствовала этот болезненный набат в груди. Паническая атака тоже отступила. В конце концов, в каком бы дурдоме я ни оказалась, «и меня вылечат».

Мы подошли к дому, который был виден издалека: двухэтажный, с затейливыми резными наличниками и высоким крыльцом. Здорово они здесь развернулись, такую махину отстроили! Недешевый проект точно.

Женщина завела меня внутрь, всё так же крепко держа за руку, и буквально впихнула в одну из комнат.

Я ничего не успела сказать или спросить, как дверь за мной плотно захлопнулась.

Обстановка была соответствующей самим хоромам - ни одной современной вещи я не заметила, насколько могла судить. Высокая кровать с периной, расписные сундуки: один под окном, другой слева от входа. На полу несколько тканых дорожек, очень красивых. Оглядываясь дальше, я заметила на столике зеркало в деревянной раме. Оно было выполнено очень оригинально, с витыми колоннами по бокам, а подставка представляла собой ящичек с закругленными углами, наверное, для украшений.

Я подошла, чтобы рассмотреть его поближе. Да и на себя взглянуть. Можно представить, как я выгляжу после скачком по этой пейзажи.

Но я очень ошибалась. Нет, в отражении я увидела себя. И такую же взлохмаченную, красную и взмокшую, как и предполагала. Только на вид мне было не более семнадцати лет.

Лицо без единой морщинки, молодое, практически юное. В одном не было сомнений: это точно была я.

Как зачарованная, я рассматривала свои удивленные заплаканные глаза, гладкое личико, толстые растрепанные косы... Это что за... Реинкарнация в какую-нибудь свою прапрабабку? Додумать эту мысль я не успела: за дверью послышался грохот и мужской голос, больше похожий на звериный рык.

Я в страхе прижалась спиной к стене. Меня посетила уверенность, что всё это не декорация, не театр и не музей. Я просто оказалась в какой-то другой реальности.

Нет, конечно, всем известно, что «в нашей жизни всё бывает», но, простите, не до такой же степени. Все мои прошлые горести моментально показались мне ерундой: подумаешь, муж ушел к молодой. Ну и ветра в парус. Сыну высказать, что он неблагодарное создание, и начать новую жизнь. Именно так и следовало поступить. Но это была уж совсем какая-то радикально новая жизнь. Я не хочу! Выпустите меня отсюда обратно домой!..

Дверь распахнулась, и в помещение ворвался мужчина. Уже пожилой, но очень крепкий, высокий. Одет он был в костюм из какой-то богатой ткани, я в них не разбираюсь. Парча, что ли. Два ряда дорогих на вид пуговиц, а на голове шапочка, вроде тибетейки, только побольше.

За мужчиной семенила, низко кланяясь, та самая женщина, которая притащила меня в этот дом.

- Ефим Никанорович, отец родной, вот видите: вернулась. Я же говорила! Ну, заболталась с девками, что уж там...

- Молчать, Лукерья! - взревел дядька, а я чуть не грохнулась в обморок. Так, значит, он мой папенька? И как это моя предшественница, настоящая Полина, осмелилась ему перечить? Ну уж нет! Раз я так влипла, буду слушаться. Как-то не очень хочется быть выпоротой где-нибудь на базарной площади.

- Где была, Полина? - нацелился на меня папенька.

Нужно было что-то отвечать, и я проблеяла, заикаясь, версию, озвученную Лукерьей.

- С-с... с девками в лес ходили, - сглотнув, я добавила уже от себя: - Венки плести к Купале.

Видимо, меня удачно озарило и про венки, и про праздник Ивана Купалы, который, как я помнила из какой-то передачи, был в середине июля по старому стилю, потому что взгляд и выражение лица батюшки смягчились, и заговорил он совсем по-другому:

- Полюшка, ну что ж ты так меня расстраиваешь. Бегаешь, как дворовая, босиком, а ведь ты княжна всё-таки!

«Вот это новости: княжна. Не хухры-мухры».

- Простите... - произнесла я тихонько, не зная точно, как к нему обращаться.

Папенька совсем расцвёл.

- Ты ж моя голубка. Гляди, Лукерья, смиренная такая. Али натворила чего? - подозрительно прищурился он вдруг.

Я испуганно замотала головой.

- Ну, тогда и ладушки, - совсем развеселился дядька, даже хохотнул, видимо, от облегчения. - И спорить со мной тебе не будешь?

Я снова отрицательно мотнула, косы при этом улетели за спину.

Ефим Никанорович протянул ко мне руку, и я внутренне сжалась. Но ничего страшного не произошло: он погладил меня по голове и плечу, а затем жарко прижал к себе.

- Душа моя, я ж только добра тебе хочу. Ну что ж будет, если какой лихой человек тобой воспользуется? Срамота же, и жизнь покалеченная. А так, выйдешь за приличного человека, я внучков увижу, Бог даст.

Далее последовала история, которую, как я подозревала, его дочь, в отличие от меня, слышала много раз.

Ефим Рахманов сам был из обедневшего княжеского рода. Занимался торговлей, чтобы спасти своё имение и довольно преуспел, даже изрядно разбогател.

В нужный момент оказал он царю Петру Алексеевичу большую услугу, собирая целые обозы дорогих и необходимых товаров и лекарств для его солдат.

А потом обратился с просьбой разрешить ему жениться на дворянке-француженке Лауре Андро - дочери одного из торговых гостей Петра. Они познакомились за царским столом, когда Ефим лично пригнал обоз Петру в немецкую слободу. Он влюбился в хрупкую нежную девушку с первого взгляда.

да. Однако, князю Рахманову было не по чину жениться на простой дворянке, поэтому и обратился он к Петру с такой просьбой. Пётр Алексеевич своему верному слуге не отказал, и вскоре Лаура приняла православие, а царь лично благословил молодых. Свадьба состоялась там же, в слободе.

С тех пор Рахманов изрядно загордился, часто вспоминая, что сам Петр Алексеевич на его свадьбе гулял.

Лаура родила князю дочь, назвав её по французской моде Полин. Вскоре молодая жена умерла, и Ефим Рахманов долго горевал.

Я поняла, что он искренне любил свою жену, а дочь всегда холил и лелеял. Она получилась внешне очень похожей на кроткую Лауру, а вот характером в отца - такая же свое нравная.

- Я же мог жениться, дочка, а не стал: боялся, что тебя молодуха обижать начнёт.

Его пуговицы больно давили мне в лоб. Мысли лихорадочно метались, и я вдруг страстно возжелала оказаться на той самой ободранной остановке, где рыдала сегодня утром.

Папенька отстранился и вгляделся в моё лицо. Затем погладил по щеке.

- Красавица, вся в мать, - прослезился и вышел.

Видимо, дочь он очень любил. Однако нужно было прояснить вопрос с замужеством. Послушание - это одно, но выходить здесь черт знает за кого я не собиралась.

Глава 3

Тем временем Лукерья принялась хлопотать вокруг меня, ворча потихоньку:

- Изгваздалась-то, как дитя малое. Ну сколько можно бегать босоногой? Уже невеста, поди. А коли жених бы какой с визитом нагрянул? Давай лоханочку принесу. Или ванну нагреть, Полюшка?

Я сидела на кровати в некотором оцепенении и ответила с трудом, глянув на свои запыленные ноги:

- Ванну не надо. Потом... Просто что-нибудь...

Лукерья села рядом со мной, стала наглаживать по голове и плечам:

- Ну что ты, детонька моя маленькая, совсем закручинилась. Замуж так или эдак выходить придётся. Оно конечно, маменька с Ефимом Никаноровичем по любви сладились, да только им свезло просто на слободе этой немчурской встретиться, да Пётр Алексеевич милость оказал.

- Лукерья, - помолчав, спросила я, - а что будет, если я возьму и откажусь? Что отец сделает?

Тётка замахала на меня руками.

- Даже не думай! Почитай батюшку, и Ефим Никанорович всё к твоим ногам бросит: все свои богатства, ничего не пожалеет. Как для Лаурушки, царствие ей небесное. Но продолжишь строптивиться - беда будет. Он уже грозился тебя

и запереть, и на хлебе с водой держать, и чего только страшно вспомнить. Даже высечь, прости Господи. Полюшка, смирись, будь послушной.

Во мне всё взбунтовалось. Опять послушной? Или удобной? Мне этого в прошлой жизни хватило. Нет уж. Пожила клушей, хватит. Конечно, не хотелось бы, чтобы меня высекли - это чересчур. Да только я сомневалась, что грозный Рахманов так уж озвереет. А на воде и хлебе я как-нибудь выживу, если что.

Лукерья притащила небольшую лохань с теплой водой, и помогла мне привести себя в порядок. Потом она подала мне свежее платье, синее, нарядное, с богато вышитым серебром воротом и подолом. И такой же кокошник.

Мне стало тревожно.

- А к чему такое красивое? Мы кого-то ждём?

Лукерья всплеснула руками.

- Совсем уже одичала за своей беготнёй! Обычное платье к обеду. А уж кто будет, не знаю. Никого вроде не ждали. Одевайся, мне ещё причесать тебя надо.

Оставалось надеяться, что обед пройдёт без посторонних, и я смогу уговорить Ефима Никаноровича не спешить с моим замужеством.

Когда Лукерья водрузила мне на голову кокошник, я подошла к зеркалу, чтобы рассмотреть себя повнимательнее. Да уж, теперь я точно выглядела настоящей княжней. Хотя в сарафане было, признаться, гораздо комфортнее.

На всякий случай я незаметно ущипнула себя - вдруг удастся проснуться. Но, увы, это была моя новая реальность с совершенно неясными перспективами.

За обеденным столом мы оказались с папенькой вдвоём, как я и надеялась. Еда на столе была довольно простая: свежий, ещё тёплый хлеб, сыры, масло, жаркое из кролика, квашеная капуста и жареная рыба. А вот посуда просто просилась в музей лет через двести-триста. Один эмалевый серебряный расписной набор блюд и мисок чего стоил.

Ефим Никанорович был настроен благодушно. Он часто прикладывался к бокалу из белого металла, украшенного мелкими синими камешками, с аппетитом наворачивал жаркое из глубокой цветастой эмалевой миски.

Я с трудом заставляла себя глотать, прокручивая в голове предстоящий неприятный разговор. Впрочем, батюшка этого не замечал, становясь после каждого глотка всё словоохотливее. Он потчевал меня то какими-то торговыми байками, то историями из моего детства, то вспоминал свою жену Лауру. Когда он часто начал утирать слёзы, я поняла, что Ефим Никанорович наклюкался и поплыл. Возможно, это был мой шанс выступить со своей просьбой.

- Можно я скажу? - спросила я тихо, пока Рахманов отвлёкся на огромного жареного карпа, которого ему положили целиком. Честное слово, в рыбной тушке было на вид килограмма четыре.

- Конечно, Полюшка. Говори. Что там у тебя? Обновку

какую хошь? Али в приданое что добавить? Я ж для тебя в лепёшку расшибусь, только скажи.

- Я не хочу выходить замуж, - подняв на него глаза, я со страхом увидела, что надежды мои провалились: настроение Рахманова мгновенно сменилось с благостного на разъяренное. Он сжал кулаки и стукнул ими по столу изо всех сил. Одна из красивых мисок закрутилась на столе, разбрызгивая содержимое. Ошмётки полетели в нас и вокруг. Но он этого не заметил.

- Чтооо?! Опять?! Польшкааа!!! - взревел он, как дикий бык. Глаза налились кровью, лицо густо покраснело, а на лбу вздулась синяя вена.

- Батюшка, - заговорила я быстро-быстро, - просто я не готова, я не хочу уходить от вас в чужой дом...

- Врёшь, девка, врёшь мне! - наклонившись, он кричал прямо мне в лицо, - сознавайся: засмотрелась ли на кого? Кто он? Из наших, из крепостных? Живого места не оставлю!

- Нет, нет, всё не так! Ни на кого не засмотрелась! - сейчас я уже не была так уверена, что князь не выпорет свою любимую дочурку, и тряслась, как осиновый лист.

- Узнаю, убью! - ревел папенька, разбивая кулаки о стол. Я вскочила со стула на всякий случай, готовая бежать хоть в окно.

- Вон к себе! Пойдёшь за первого, на кого я укажу! Получив условное разрешение покинуть семейный обед, я выскочила из зала и помчалась к себе в комнату.

Сорвав с себя кокошник, я нервно заходила по горнице.

Я понимала, что бежать отсюда можно было только в крайнем случае. Да и куда? У меня нет денег. Спрятаться негде. А вот... Что, если попробовать добраться до того места, с которого меня, из моей несчастной-прекрасной реальности, вышвырнуло сюда?

Это вполне могло сработать. Я задумалась. Сесть под свой волшебный дуб. Может, как в тот раз, опустится невзначай какой-нибудь туманчик, да и выбросит меня обратно. М..?

Я кинулась к окну посмотреть: высоко или нет. Едва успела выглянуть, как отворилась дверь, и я в страхе отскочила в сторону, больно ударившись коленом о сундук.

- Даже не думай, Полина, - вошла сердитая, нахмуренная Лукерья. - Ефим Никанорыч сказал, чтобы я глаз с тебя не спускала, иначе мне головы не сносить. Себя не жалеешь - хоть меня пожалей. Ведь не посмотрит, что я родня, шкуру спустит.

Я молчала. Было ощущение, что меня обложили со всех сторон. Неужели придётся идти замуж за неизвестного и нелюбимого? Может, хоть посмотреть на кого-нибудь из них? Вдруг будет «ничего»?.. Но я понимала, что во мне говорит трусливая послушная Клуша.

- Батюшка велел запереть тебя на три дня. На хлебе и воде держать, как обещал. А после княгиня Мещерская с сыном приедут на смотрины. Так батюшка велел тебе быть приветливой. Мол, хватит в харчах ковыряться. Княжич Мещер-

ский - прекрасная для тебя партия. Они и по чину нам, и богатые. Вот тебе и весь сказ.

Я присела на стоящий рядом сундук и опустила голову. Сейчас стоило проявить смирение, чтобы выиграть время. Лукерья шоркала по горнице, что-то перекладывая.

- А какой он, этот княжич, Лукерья? - спросила я. - Молодой, старый?

Та всплеснула руками:

- Да нешто ты не помнишь, голубка моя? Вы в детстве даже играли вместе: гостили они у нас. Молодой, молодой. На годок даже помладше тебя будет. А ты что ж и на меня надулась? Что тётушкой не кличешь, как раньше? Эх, детонька, да была б моя воля... - Лукерья не договорила, лицо её скривилось, и она промокнула глаза. - Я ж тебя как взяла на рученьки маленькую, новорожденную, так ты всю жисть и при мне. Нешто я б терпела, что тебя так мотает? Да что я против батюшки твоего скажу? Будет он тётку двоюродную слушать. Хотя и ему в своё время сопливый нос вытирала. А теперь вот слова не молви.

Лукерья перешла в «режим радио» - бурчала что-то практически без пауз.

А я всё думала, думала... Но дальше того, чтобы притвориться овечкой до момента, как надо мной будет ослаблен контроль, ничего пока не придумала.

В комнату вошла красивая веснушчатая девушка с подносом и, поклонившись, поставила его на стол. На подносе ла-

конично красовались краюха хлеба и кувшинчик. Видимо, с водой.

- У, злодей, - пробормотала Лукерья едва слышно себе под нос.

Когда девушка вышла, Лукерья последовала за ней. За окном уже смеркалось, и я почувствовала, что смертельно хочу спать. Я попыталась снять с себя неудобное платье, но никак не могла справиться с рядом мелких скользких пуговиц на спине.

Вернулась Лукерья, воровато держа какой-то предмет под фартуком. Оглянувшись на дверь, она сунула мне под подушку что-то завёрнутое в полотенце. А потом принялась расстёгивать мои непослушные пуговицы. Потом расплела косы.

Движения её рук были грубоватыми и в то же время заботливыми, любящими. От них исходило тепло. Я невольно прикрыла глаза и расслабилась.

- Поешь потом, как захочется, - шепнула она мне, похлопав рукой по подушке. И, перекрестив меня, вышла.

Есть мне не хотелось пока что, но из любопытства я заглянула: что там добрая тётка мне принесла, рискнув нарушить волю батюшки.

В полотенце был завёрнут кусок пирога с капустой, несколько свежих колючих огурчиков, две картофелины «в мундире», два яйца и соль в тряпице.

Невольно улыбнувшись, тронутая такой материнской за-

ботой, я сунула свёрток обратно под подушку и прилегла, почти моментально заснув.

Так закончился этот сумасшедший день, с которого началась моя новая жизнь.

Глава 4

Ночью я проснулась, прислушалась - в доме было тихо. Да и за окнами тоже, словно всё вымерло. Только один раз какая-то собака вдалеке залилась лаем, да тут же и замолкла, словно почувствовав неуместность своего вторжения в царство тишины.

Тьма стояла кромешная: я не могла разглядеть ровным счётом ничего. От этого мне стало душно, и я встала, чтобы попытаться на ощупь открыть окно.

Тут же скрипнула и отворилась дверь. Послышался голос Лукерьи:

- Ты чего, Полюшка?

Я продолжала шарить рукой по оконной раме.

- Да воздуха не хватает. Подышать хочу.

Тётка вздохнула, пошуршала чем-то, брякнула тихонько, и горницу озарил неярким светом дрожащий огонёк свечи.

- Сейчас погоди, - пробурчала она, - сама открою. Вот شما наведём - батюшку разбудим...

- Да храпит, небось, после возлияний, - не сдержалась я.

- Ещё как храпит, - согласилась Лукерья и, наконец, справилась с окном.

В комнату ощутимой волной вошёл тёплый, но свежий воздух. Пахнуло цветущими яблонями, скошенной травой, скотным двором, опилками - обычные запахи деревни.

- Ложись, девонька. Выброси всё из головы начисто и спи.

Лукерья ещё повозилась немного вокруг и вышла, оставив дверь приоткрытой. Мне хотелось постоять у окна, но было жаль тревожить тётушку. Поэтому осталась лежать, то раскрывая глаза, то закрывая. Впрочем, разницы не было. Наверное, еще и ночь безлунная.

Пытаясь отвлечься от мыслей о моём предполагаемом замужестве, я невольно стала вспоминать о прошлом. О муже, о сыне. Интересно, они заметят моё исчезновение вообще? Или часть меня так и осталась там рыдать на остановке, а потом поплелась домой, чтобы печь уже никому не нужный пирог?

Моя единственная подруга Марьяна часто меня корила за то, что я растворяюсь в других людях. В моих родных, в частности. Что меня за ними не видно. Я отшучивалась, что просто я их тыл... Так незаметно вырос и отделился сын, мужу и вовсе я стала не нужна.

Надо было слушать её, мою категоричную подругу, хотя бы отчасти. И отвлекаться на что-то. Придумать себе дело, говорить своим иногда, что мне некогда... Может быть, тогда...

Мне показалось, что в горнице стало немного светлее. И проём окна вроде бы из чёрного стал серым. Светает.

Из-за двери послышалось мерное посапывание Лукерьи. Оно волшебным образом подействовало и на меня: я крепко уснула, вместо того, чтобы воспользоваться моментом и

сбежать под мой дуб, надеясь на чудо.

Следующие два дня меня никто не тревожил. Только Лукерья забегала пошептаться да подкормить меня. От разлюбезного батюшки неизменно раз в день мне подавали хлеб и воду. Но благодаря Лукерье я была сыта, и проблема пропитания меня волновала меньше всего.

Близилась встреча с княгиней Мещерской и её сыном. И вот от этого противно сосало под ложечкой. Я морально готовилась к самому худшему.

Когда наступил назначенный день, я, проснувшись, подошла к окну со смутными мыслями. Но батюшка, очевидно, был не дурак и посадил прямо напротив окна какого-то здоровенного мужика. Бородатого и в тулупе, несмотря на жару. Я сразу поняла, что это мой соглядатай, и показала ему язык. Не знаю, разглядел он или нет, но продолжил так же стоять истуканом, глядя на моё окно.

Вошла Лукерья и заторопила меня. Мне следовало принять ванну и совершить парадный туалет. К слову, ванна у меня здесь была чугунная, очень богатая. С резной деревянной спинкой и крышкой, которая прикрывала ванну до половины, чтобы не остывала вода. Наверное, раньше она принадлежала матери Полины, Лауре. И была доставлена из-за границы князем Рахмановым для любимой жены.

Предмет по тем временам редкий и жутко дорогой.

Сейчас я погрузилась в горячую воду и постаралась полностью расслабиться. Полежав так, я вздохнула с мыслью,

что перед смертью не надышишься.

Отвергнув помощь Лукерья, я основательно помылась. Голову намыливала три раза - волосы у новой меня были такими густыми, что когда Лукерья меня заплетала, то каждая коса была толщиной с руку.

Меня нарядили в красное парчовое платье. Ворот, пояс, широкие манжеты - всё было украшено богатой золотой вышивкой.

- Моя ж ты красавица, - Лукерья утёрла слезу, - отдадут сейчас мою голубку. Вот что я без тебя делать буду?

- Тётушка, давайте пока что не будем нагнетать, пожалуйста, - с трудом проговорила я. - Надеюсь, этого вообще не случится.

Лукерья, моментально сменив тональность, цыкнула на меня и погрозила пальцем.

- Смотри мне, Полина! Не подводи под монастырь ни себя, ни меня.

Во дворе послышался шум, лай собак, крики ребятишек. И топот копыт.

- Вот и Мещерские пожаловали! - наигранно радостно произнесла Лукерья. - Скоро нас покличут.

Я промолчала. И так было понятно.

Оказавшись в парадной палате батюшкиного терема, где находилось множество людей, чьих лиц от волнения я не могла разобрать, искала глазами Рахманова, чтобы увидеть выражение его лица. Батюшка стоял рядом с красивой дамой

младше него и прямо-таки сиял. Княгиня обладала довольно привлекательной аристократической внешностью. Высокая прическа добавляла ей роста. Облачена она была в изысканное европейское платье.

У меня немного отлегло от сердца: а вдруг меня зашвырнуло сюда, в прошлое, чтобы я вышла замуж за красивого благородного княжича. И, может быть, мы вместе совершим что-то значительное в истории...

Однако молодого человека, похожего на мать, я что-то не видела. Несколько раз мой взгляд скользнул по присутствующим, потом Рахманов повёл рукой в мою сторону, обращаясь к княгине с явной гордостью:

- А вот и невеста наша.

Мещерская всплеснула руками.

- Ах, мон шер, как выросла! Я помню её совсем крошкой. Такая хорошенькая была. Ну а сейчас просто красавица! А ты помнишь, как вы играли, Петруша?

Я не сразу поняла, к кому она обращается. А когда поняла, все мои мечты о благородном красавце рухнули.

Рядом с княгиней стоял пухлый прыщавый юнец, ниже своей матушки на голову. Он скучающе ковырял мизинцем в ухе, а другой рукой крутил пуговицу на камзоле. Вид при этом княжич имел абсолютно придурковатый.

И вот за этого... папенька собрался отдать своё сокровище?

Я почувствовала, что скандала, порки и монастыря всё-

таки мне не избежать.

Петруша пошевелил пухлыми губами, взглянул на меня, и на его лице появилось хитроватое выражение. Умнее при этом он выглядеть не стал.

Папенька в это время ворковал с княгиней, что-то шепча ей почти на ухо. Видимо, у него кроме материального интереса в этом браке был свой личный интерес. Княгиня и впрямь была хороша.

«Ну и женился бы сам, - подумала я с раздражением. - Чего к дочери прицепился. Ещё за такое отродье сватать».

Щёки мои пылали, а сердце колотилось.

За столом княжич сидел напротив меня. Хватило пары взглядов на него, чтобы у меня откровенно подкатило: парень хватал еду руками, лицо его лоснилось от жира. Игнорируя салфетку, вытирался он обшлагом рукава.

«Нет, Рахманов точно сбрендил. Он что, не видит, что княжич... того?»

Ефим Никанорович сидел подле княгини, расхваливая свои разносолы. Затем встал. Поднял бокал. Застолье немедленно стихло.

Рахманов подал руку княгине, та тоже встала рядом с ним. Выдержав паузу, папенька торжественно произнёс:

- Нашим обоюдным согласием с княгиней Мещерской объявляем о помолвке любимых наших чад - Петра Мещерского и Полины Рахмановой. Вознесём же молитвы наши о благополучии их брака и скорейшем потомстве.

Княгиня безмятежно кивала в знак согласия. И улыбка сияла на её красивом лице.

И тут я услышала свой собственный крик:

- Не пойду! Хоть режьте, хоть вешайте!

Дальше меня словно оглушило: я совершенно перестала слышать, а видела всё как будто в замедленной съемке.

Княгиня открывала и закрывала рот, как рыба. Петруша продолжал что-то жевать. А Рахманов подлетел ко мне и, схватив за косы, выволок из залы.

Глава 5

В последующие дни ко мне не допускали даже Лукерью. Приходила девушка, оставляла хлеб с водой и быстренько ретировалась, не отвечая на мои вопросы. А под окном неустанно дежурил тот бородатый здоровенный мужик. Он как будто и спать не уходил, всегда был на месте.

Когда ко мне явился сам Рахманов, я уже не испытывала никакого страха. Просто ждала, устав гадать, что меня ожидает.

Батюшка выглядел плохо. Как будто даже усох лицом, постарел. Видимо, ему этот публичный скандал, устроенный мной, дорого дался.

Рахманов сел на мою постель и некоторое время молчал. Затем заговорил так, будто его с того света достали. Мне даже жаль его стало, честное слово. Однако я напредила себе, что он сам во всём виноват. И, скрестив руки, ждала что он скажет. В общем-то, была готова ко всему.

- Ты, Полина, была всегда моей отрадушкой. Души в тебе не чаял. То, что партию тебе выбрал сам: так ты ещё молода, и мне знать, что лучше для дочери.

Он помолчал. Я никак не комментировала сказанное. Выдавать любимую дочь по расчёту для этих времён ещё куда ни шло. Но за кого?..

- Выпороть тебя я хотел, чтобы дурь из тебя выбить. Да

представил, что Лаурушка моя на всё это смотрит с небес, и рука не поднялась. В монастырь сослать - тебя пожалел: может, одумаешься ещё, да поздно будет. Поэтому я...

Я ожидала продолжения с нарастающим интересом. Совершенно не представляя, что князь придумал мне в наказание.

- Отправляешься ты в ссылку. В мою собственную. От дома я тебе отказываю, но и от себя не отпускаю. Пойдёшь жить в старый дом управляющего, что стоит, брошенный за околицей. Будешь выживать там сама, без папеньки. А чтобы дурного не удумала, будет за тобой пригляд. Сможешь сама выжить, тогда решай через год свою судьбу. Только, думаю я, ты раньше ко мне прибежишь, в ножки поклонисься, обратно попросишься. Вот тебе моё слово.

Посидел, помолчал и вышел, сторбившись, тяжело ступая.

Я никак не могла взять в толк смысл сказанного. То есть, если я правильно поняла, князь выделяет мне какой-то заброшенный дом и отправляет туда жить. Без обязательного содержания. Ну и охранника ко мне приставит. И это наказание??? Я готова была кинуться вслед Ефиму Никаноровичу, чтобы расцеловать его за великодушие.

Это же счастье! Оказаться свободной, не бояться насильного сватовства. Я о таком и мечтать не могла!

Вошла Лукерья, заливаясь слезами.

- Как собаку безродную, как прокаженную какую выслал... - причитала она шепотом.

Я же, вскочив с кровати, обняла её и закурила в порыве облегчения.

- Тётушка Лукерья, да ты что?! Я же теперь заживу, свободная! Не нужно мне хором этих, ничего не нужно, а уж слюнявых или старых женихов и подавно!

- Да как ты жить-то будешь, - чуть ли не в голос тоненько подвывала она. - Есть-пить-то? Ты же княжна!

Я присела обратно, всё ещё переваривая свою неожиданную удачу.

- Как жить, как жить... Как остальные живут? Так и я.

Тётка упёрла руки в бока.

- А воды сама натаскаешь? А печь затопить сумеешь? А дров нарубить? Ладно: лебеду во дворе поешь, да я что подкину, если голову мне не снесут. Ах ты ж... - и она снова обмякла, залившись слезами в неподдельном горе.

На утро Рахманов уехал, как мне сообщили, чтобы не видеть «этого позора». А меня стали собирать «в ссылку».

Я старалась не сильно показывать свою радость: ну как, доложат князю, а тот передумает? Но получалось не особенно, и на меня поглядывали недоумённо.

Оказавшись в доме, который мне был отписан, я обнаружила, что он был довольно просторным и крепким. Всё необходимое в нём было: печь, лежанка, стол с лавками. Даже какая-то утварь: ухват, чугунки.

Подворье тоже имелось. Какие-то хозяйственные постройки. Цветущий сад. Это был рай!

Пока я порхала по дому и участку, не веря своим глазам, какие-то мужики притащили на участок два сундука: побольше и поменьше. Какую-то корзину и плетённый короб. А кроме того: козу, которая упиралась, не желая никуда переселяться. И мешок, в котором бились и кудахтали куры.

- Какой-то аттракцион неслыханной щедрости, - пробормотала я себе под нос, чтобы никто не услышал.

Мужики между тем переговаривались шепотом:

- Вот злыдень. У самого усадьба чуть не золотая, деревень больше, чем пальцев на руках, богатства немерено, а родной дочери кур мешок да развалюху.

Это они меня жалели так, значит.

- Барышня, - обратился ко мне один из них и полез за пазуху, - вот ещё...

Послышался странный звук: визг, да такой возмущенный и отчаянный! Мужик, наконец, извлёк из-за пазухи поросёнка. Он был крошечный, чуть больше котёнка, но голосил так, как настоящий взрослый свин.

- Что это такое? - ахнула я, принимая на руки это чудо.

- Да вот, - мужик потупил взгляд, - барин велел вам ещё поросёнка выделить, да самого малого. Вот ведь... на таком сало не скоро нарастёт. Да и то, если выживет.

Я прижала поросёнка к груди, и он затих. Чувствуя, как он дрожит, маленький и испуганный, я чуть не расплакалась от жалости и умиления.

- Спасибо, - пролепетала я, хлопая мокрыми ресницами.

Мужики недоумённо переглянулись.

- Да вы не плачьте, барышня. Как подрастёт, мы подсобим и зарезать, и закоптить.

Мне аж дурно стало. Поросёнок тоже тихонько хрюкнул, словно всхлипнул.

- Не бойся, плюшечка моя, никто тебя не тронет, - заговорила я, поглаживая перепачканное дрожащее тельце с пятнышками на спинке. - Никакого сала мне не надо.

Малец совсем успокоился в моих руках и даже задремал, кажется.

Мужики потоптались, не понимая, что, собственно, происходит. Затем откланялись.

- Мы там во дворе курей и козу пристроим. Вы не беспокойтесь...

А я присела на лавку, стараясь не разбудить поросёнка. Потом увидела в углу забытый старыми хозяевами половичок и соорудила из него гнездо, куда и устроила своего внезапного питомца. Тот всхрюкнул, но продолжил спать.

У подруги Марьяны был пёс породы йоркширский терьер по имени Прохор. Так вот, этот свинёнок был размером ещё меньше.

Я вдруг рассмеялась.

- Значит, быть тебе тоже Прошей.

Возражений не последовало, и я поспешила заняться хозяйством, пока не стемнело.

Дел была уйма. Во-первых, нужно было соорудить себе

постель. Посмотреть, из чего сделать светильник на вечер.

Ну и порыться в сундуках, которые скинул мне с барского плеча папенька.

Когда я открыла сундуки, часть вопросов отпала сама собой. Наверное, Рахманов велел отдать мне часть моего приданого, которого, как я подозревала, было гораздо больше.

Но то, что я обнаружила, показалось мне настоящим богатством. Здесь было и постельное бельё, и какие-то отрезки тканей, и скатерти, и одежда.

В корзине и коробе тоже было интересно: отдельно заботливо завёрнутые лампадное масло и несколько икон. Продукты. Кстати, довольно ценные: мешочек с колотым сахаром, мука, подсолнечное масло в глиняной бутылки, молоко, пара десятков яиц. Кроме того, понемногу всяких овощей. Грибы, клюква, мочёные яблоки, целый пирог.

Я снова рассмеялась. Наверное, батюшка велел дать мне «чего-нибудь», а Лукерья, пользуясь его отсутствием, принялась выгребать подпол и кухню, собирая мне пропитание на месяц, а то и больше.

Проснулся Проша, и я подхватила его на руки, чтобы не выбежал на улицу - дверь была открыта. Нужно было сообщить, как его накормить.

- Пойдём с козой знакомиться, хрюша, - чмокнула я его в «ароматную» макушку. - А потом я тебя искупаю.

По-моему, всё складывалось замечательно.

Глава 6

За несколько дней я окончательно обжилась в своем новом доме. С батюшкиным приданым это получилось легко.

У меня были ткани, чтобы сшить занавески на свежевымытые окна. Была новенькая посуда. Кстати, старую я тоже оставила, оттерев её песком до сияющего состояния.

Была приличная постель: льняные простыни и пуховое одеяло. Старую перину из дома, правда, пришлось выбросить и сжечь на заднем дворе: мне показалось, что в ней какие-то то ли клопы, то ли блохи. Но Лукерья раздобыла мне другую, из хозяйских запасов.

Сказала, мол, в доме этого добра хватает. Меня беспокоило только одно: лишь бы ей не влетело от Рахманова. Я пыталась отказаться от её помощи, боясь, что она впадёт в немилость. Но тётка стояла, как камень, жалея меня: «Обидел злодей сиротинушку-кровинушку мою».

Кстати, Рахманов тоже, наверное, думал, что кинул мне подачку вместо пары именей, обоза таких вот сундуков и драгоценностей.

На самом деле князь-батюшка дал мне самое главное: в первую очередь свободу. Ну а его «подачка» была такими, как говорится, основательными подъемными, с которыми можно было запросто начинать новую жизнь.

Конечно, просто так подъедать папенькиных кур и уж тем

более Прошку я не собиралась. И есть тайком пироги, которые таскала мне по ночам Лукерья, рискуя головой. Нужно было доказать, что Полина Рахманова - личность. И нельзя её выдать замуж против воли. Нельзя распоряжаться ею, как вещью.

Так я размышляла, сидя под своим любимым дубом, ещё совсем молоденьким. Я часто приходила сюда с Прошей и Бьянкой, так я назвала свою козу. Когда она привыкла ко мне, то стала ручной и ласковой. О Прошке и речи не было: он ходил за мной по пятам, как щенок. В общем, гуляли втроём. И по лугам, и по опушке леса. Здесь было так просторно и хорошо. Дышалось свободно, легко. Так я отдыхала и душой, и вообще.

А вот сидя под дубом, я любила именно серьёзно подумать о будущем. Прошлое я твёрдо и осознанно оставила и возвращаться уже не хотела.

Ну, кому я там нужна? А здесь у меня хозяйство, дом. Прошка, Бьянка. И моё будущее дело, которое подарит мне настоящую свободу от воли князя Рахманова. Только я ещё не знала, какое дело.

В этот момент на мою руку села пчела. Я осторожно слудла её. Пчёл здесь было много. Лесные прилетали сюда к цветам-медоносам. Весь луг был усеян цветущей кашкой и гречихой. В воздухе стоял приятный гул «тружениц», как их называл дед.

Тут меня озарила мысль, которая должна была прийти

мне в голову сразу. Ну конечно! Пасека!

Я вскочила, напугав Прошку, который хрумкал тут молодыми желудями. Взвизгнув, он отпрыгнул на своих лакированных копытцах.

- Иди сюда, малыш, всё хорошо! Пошли домой. А то нас сейчас Тимофей будет разыскивать.

Тимофей был тем самым соглядатаем, которого приставил ко мне папенька. В общем-то, он оказался добрым дядькой, который потихоньку помогал мне. Хотя я и не просила его. То воды натаскает в баню, то дров нарубит.

Но за всё это время он не произнёс ни слова.

Первое время он ходил за мной и в лес, и в поля. Видимо, как велел Рахманов.

В конце концов я сказала ему, глядя прямо в глаза:

- Ты, Тимофей, не бойся. Я не сбегу. И ничего дурного не сделаю.

Тот посмотрел на меня из-под насупленных бровей и просто кивнул. С тех пор дожидался нас дома, когда мы уходили побродить. Только если задерживались, беспокоясь, выходил навстречу.

Сегодня я сама заторопилась домой: было необходимо переговорить с Тимофеем.

Мёд, конечно, на Руси любили и ценили. Почитав лечебники разных времён, а я в своё время перечитала массу дедовской литературы, можно было сказать, что мед использовали как лекарство от большого числа самых разных болез-

ней. Помимо этого, мед использовали при проведении обрядов, поскольку считали, что он имеет магические свойства.

Однако, если я не ошибалась, мёд всё ещё собирали диким способом - в бортевых лесах.

В то далекое время пчел в русских лесах было очень много. Поэтому, кроме естественных, люди делали искусственные дупла для пчел, в которых те поселялись и производили мед. Выбор падал на крупные деревья, возраст которых составлял не менее ста лет. С дупла одного крупного дерева порой собирали до трехсот килограммов мёда.

Помню, как меня, маленькую, поразила эта цифра, и я всё силилась представить: сколько это? Мне представлялось дупло размером со слона, а там, как в чаше, таинственно блестит, переливается янтарный, тягучий и ароматный мёд.

Я, конечно, не была специалистом по истории пчеловодства. Но, насколько помнила, ульев и пасек в хозяйствах ещё не было. И у меня были все шансы преуспеть в этом деле.

По дороге я вспоминала, в каком виде подавался мёд у князя Рахманова на столе. Вспомнила только чашу с сотами. Извлеченного и очищенного мёда точно не было - я бы машинально отметила. У меня даже ладошки вспотели.

- Тимофей! Тимофей! - позвала я, вбежав на подворье.

Голос у меня аж звенел от волнения. Ну, то есть это мне так романтично казалось, что он звенел, а на самом деле я, наверное, верещала, как Прошка при первом нашем знакомстве.

Тимофей высунулся из дровника. Лицо его было испуганным.

А у меня, как назло, всё из головы испарилось, что хотела сказать. Я просто осознала: насколько сложную задачу перед собой поставила.

Это ведь не просто сколотить и поставить пару ульев. А вдруг пчелиные семьи не приживутся? А вдруг заболеют? А если мёд забродит? Там же миллион всяких трудностей и нюансов. С чего я взяла, что моих знаний хватит?

Голова Тимофея всё так же торчала из дровника. Я стояла как истукан и хлопала глазами, глядя на него.

- Стряслось что? Али напужал кто? - Тимофей не без труда выбрался из тесного проёма. Это были первые слова, которые я от него услышала. Голос был густой, с приятной хрипотцой.

- Нет-нет, я просто... Хотела кое-что спросить. Но сначала мне нужно подумать.

Тимофей кивнул, а я пошла в дом. Прошка потрусил за мной.

Мне нужно было составить чёткий план, по которому следовало действовать. Первым делом, конечно, найти того, кто сколотит ульи - об этом я и хотела спросить Тимофея. Потом ульи обработать. А чем? Дед обрабатывал перекисью водорода. «Наверное, золой можно!», - озарило меня.

Ловушку тоже соорудить нужно - ещё пункт. Найти в лесу дупла с пчёлами. Из чего-то сделать дымари, чтобы меня не

съели.

У меня даже голова закружилась от множества задач. И это была только верхушка айсберга. Но сдаваться я не собиралась.

- Барышня! - позвал со двора Тимофей. Надо же, как напугала мужика: аж голос прорезался.

Я вышла к нему.

- Растоплять баньку вам к вечеру? - он мял шапку в руках, глядя в землю.

Интересно, сколько ему лет? На вид было совершенно не определить. Лет от пятидесяти до бесконечности.

- Скажи, а знаешь ты кого, кто сможет мне... (как объяснить ему, что такое улы?) коробка с ножками сколотить. По моему... рисунку... - я запинаясь, подбирая слова, сомневаясь, что простой мужик меня поймёт.

Тимофей помолчал, затем поднял голову:

- Сможем, барышня. Я и ребята мои. Много ль коробов надо?

Я размышляла.

- Ну, штук пять-шесть для начала. Только там ещё рамки внутрь нужно, ещё отверстия такие и полочки... - тут я опять сбилась, понимая, как это должно быть сложно.

- Всё, что укажете, сделаем, барышня. Столярить мы хорошо умеем, - он поклонился. - Так растоплять баньку?

- Растопляй, - улыбнулась я. - Спасибо тебе.

Банька в любом случае дело было хорошее.

Глава 7

Я сидела в парной собственной баньки. Она была «белой» - во влажном воздухе не было запаха дыма. Только аромат берёзовых веников, которые отмокали в кадке с горячей водой. Блаженно расслабившись, я смотрела на раскалённые камни и время от времени прижимала к телу обжигающие берёзовые ветки, вдыхая их благоухание. Жаль, что некому было меня попарить как следует. Но и так было хорошо.

Пора было выходить: хотелось окунуться в большую деревянную купель с головой, чтобы охладиться. Но меня так разморило, что я тянула минутку за минуткой, вдыхая густой берёзовый дух, который немножко отдавал моим любимым дегтярным мылом.

Однако действительно нужно было поторопиться на выход. Скоро могла прийти Лукерья. Я в последний раз прижала к груди ароматные листья, вдохнула полной грудью и вышла в помывочную.

Там располагались две широкие лавки, несколько небольших лоханей и купель. Туда Тимофей регулярно заливал свежую воду из колодца. Сейчас я несколько раз окунулась в неё, чувствуя, как в кожу «впиваются иголки». Вода не была холодной, но мне разгоряченной на контрасте казалась почти что обжигающей.

В голове прояснилось, а тело стало лёгким-лёгким. В

тот момент, как я натягивала свободную широкую рубашку, скрипнула дверь снаружи. Вздвогнув, я заторопилась.

Послышался голос Лукерьи.

- Полюшка, ты туточки, девонька?

- Здесь, тётушка! Уже выхожу, - собрав свои вещи, я вышла к тётке.

Та по обыкновению засуетилась.

- Пойдём, пойдём, я смородинки тебе заварю с чабрецом.

Или кваску хочешь? Так я сбегаю, принесу.

Я придержала её за руку.

- Не надо куда бежать, хлопотунья ты моя. Сейчас вместе заварим и посидим. Что там батюшка, не хватится тебя?

Лукерья махнула рукой.

- Уехал к вечеру, сказал несколько дён не ждать. И слава Богу! Так и зыркает на меня глазюками. Поди, донесли ему ужо, что я к тебе бегаю. А и пушай. Я ему весь ответ дам, коли спросит. Только молчит он, а знач, у самого душа за тебя болит. Так бы давно уже мне взбучку устроил.

- Ладно, тётушка, Бог с ним. Сейчас давай ещё минутку постоим, подышим. Такой воздух хороший.

- Смотри, не простынь после бани-то. На вот платок мой, - она накинула мне на плечи тонкую шерстяную шаль с кистями, очень мягкую и уютную.

- Твой подарочек, - похвалилась тётка мне же.

У меня был сварен чугунок картошки и несколько яиц. Кроме того, подходило тесто на оладьи. Тётка растопила са-

мовар, и тот зашумел, зафыркал. Стало уютно. Свет масляной лампы рассеивал по горнице желтоватый свет. По углам гуляли тени.

Я положила в большую широкую разогретую сковороду с длинной ручкой две ложки топлёного масла. Оно сразу начало таять и шкворчать. А потом стала выкладывать ложкой пышное, словно живое тесто. Вкусно запахло выпечкой.

Обернувшись, я увидела, как Лукерья смотрит на меня изумлённо и растерянно. По-моему, она готова была перекреститься.

- Ой, девкааа... Чего деется, чудны дела твои, Господи. Ты когда научилась-то хозяйничать? Да так справно. Ась? Чего молчишь?

Я сосредоточенно ворошила огонь, думая, что ответить. Оладьи в русской печи пеклись сразу с двух сторон, поэтому переворачивать их было не нужно. Через минутку можно было вынимать.

Повернувшись к тётке, я сказала спокойно, пожав плечами:

- Ходила в гости к подружкам из деревни. Видела, запомнила. Глаз-то у меня вострый, - я специально пыталась говорить, как мне казалось, приближенно к старорусскому языку. Уж насколько получалось.

- Это да. Ты сызмальства всё подмечала. Хитрая, как лисичка была, - расчувствовалась тётка. - Ох, а оладушки-то вкуснющие!

- Их бы ещё с мёдом! - подхватила я.

Тётка закивала согласно.

- Надо было принести сытничек, ага.

Я поняла, что разговор нужно было начинать именно сейчас.

- Лукерья, помнишь, батюшка сказал: если переживу этот год сама, то смогу распоряжаться своей жизнью? Только, думаю, он возьмёт свои слова обратно, если поймёт, что весь этот год ты меня кормила, а значит, он...

Тётка горестно скривилась, жуя румяный оладушек:

- Всё верно говоришь, Полюшка. А что делать-то? Только смириться...

Я резко развернулась к ней и с жаром заговорила:

- Нет. Я кое-что придумала. Только сначала выслушай меня, не голоси и не охай. В общем, как бы попроще объяснить... Я буду держать дома пчёл. И очищать, выдавливать мёд из сот. Он будет чистенький. Медовуху варить. И даже свечи медовые. Очень много всего можно делать. И всё это продавать в богатые дома. Так я докажу, что могу всего добиться сама. Понимаешь?

Тётка смотрела на меня, приоткрыв рот. Кажется, до неё и половины смысла сказанного не дошло.

Я тронула её за плечо.

- Это сложное дело, но я знаю, что у меня должно получиться. Тимофей мне домики для пчёл сколотит, потом медогонку. Я расскажу ему, как.

Тётка Лукерья немного пришла в себя.

- А ты почём знаешь: как?

Я махнула рукой. Ну не хватает мне фантазии сочинять каждый раз, что да как.

- Ну, считай, что придумала. Хочешь, завтра пойдём со мной в лес, поищем деревья с семьями пчёл. А я заодно тебе расскажу, как переселять их буду.

Тётка перекрестилась.

- Как бес вселился в тебя, Польшка. Знамо дело, пойду с тобой. Нешто я тебя одну пушу.

Я от души обняла её и принялась за оладьи. Они были несладкие, но такие я и любила. Зато именно сейчас вспомнила о мешочке с сахаром, который был в коробе с продуктами. Вот чем я смогу подкормить своих пчёл в первое время. Сейчас мёда в дуплах ещё не было, ведь собирают его только в августе-сентябре.

Проснулся Прошка и затрусил к нам, похрюкивая в предчувствии угощения.

Лукерья поджала губы. Она знала, конечно, что Прошка живёт со мной в доме, но каждый раз высказывала мне своё порицание. Мол, негоже в людском жильё свиней держать.

- Иди ко мне, булочка моя, - я подхватила Прошку и стала отламывать ему кусочки оладушка. - Не бойся тётушку, она добрая. И знает, что ты у меня сама чистенькая и лучшая свинка в мире.

Почесав Прошке спинку, я вернула его на пол.

- Ещё козу сюда приведи, ага. И курей. А чего? - тётка подобрала подол, показывая, что собирается уходить. - И пчёл своих до кучи.

Я рассмеялась.

- Тётушка, приходи утром, пойдём в лес пораньше, пока не жарко.

- Хорошо, хорошо, - проворчала тётка. - Надо было ба-тюшке тебя всё-таки выпороть. И взамуж...

- Чуть не забыла, - перебила я. - Ты сможешь раздобыть мне чернила, перо и бумагу? Нужно рисунок для Тимофея нарисовать. Он бы уже домики сколачивать начал.

- Принесу. Знаю, где у тебя лежат. Истинно верёвки ты из меня вьёшь, Полина. Быть мне выпоротой, вот те крест, - она выразительно перекрестилась, а я снова обняла её от души.

- Спасибо, золотая моя!

Проводив Лукерью, я убрала со стола и стала разбирать постель.

Ночью мне приснился дед. Он взял мои руки с тонкими пальчиками в свои большие и крупные. Испещренные глубокими тёмными морщинами на ладонях - они были такие крепкие. Каждая ладонь - как лопата. В его руках спорилось всё: и тяжёлая работа, и самая тонкая. Дед как будто задавался вопросом: как же ты справишься?.. Ручки вон какие нежные и слабые! Одного желания мало.

«Я помогу, Полинушка!» - услышала я его голос, хотя губы его лишь улыбались. Затем он погладил меня по голове,

и от этого прикосновения я проснулась.

В горнице было светло, а Лукерья шурудила в печке, вычищая золу.

- Проспала! - ахнула я и подскочила.

- Да солнце ещё не встало, успеем, - пробурчала тётка. - Сейчас покормлю тебя и пойдём, - тон её не допускал возражений.

Ела я очень торопливо, рискуя подавиться. Дело предстояло очень важное, потому что это был самый первый шаг моего пути в новом мире.

Глава 8

В лесу было прохладно и сумрачно. Но мне нравилось - как в сказке.

Лукерья шагала рядом со мной бодро, неустанно бормоча, что нормальные люди ходят в лес за мёдом, а ненормальные - за пчёлами. Я лишь посмеивалась втихомолку, с наслаждением разглядывая окрестности.

Луга были сплошь в разноцветье, а трава под ногами густой и мягкой, как ковёр. По пути я разулась, несмотря на протесты тётушки, и шла босиком.

В самом лесу было сыровато, поэтому я снова натянула свои башмачки и стала присматриваться к деревьям.

Мы шли вдоль лесной речушки вниз по течению. Пчёлы нуждаются в воде, поэтому часто прилетают к водоёмам. Отсюда нужно было следить за направлением лета пчёл. - Смот-

ри, тётушка, - прошептала я, - видишь, пчёлы берут воду, значит, их гнездо недалеко. Надо проследить, куда они летят, и найти дерево с дуплом.

Лукерья перекрестилась со словами: «Ну, с Богом!». И мы пошли в ту сторону, куда пролетали пчёлки.

Я даже заранее взяла прикормку - сахарный сироп, если вдруг мы не обнаружим сразу дерево с пчелиным дуплом.

Но нам повезло: после небольшого ельничка, пошел лиственный лес.

А меня несло:

- Погляди, тётушка. В ельнике практически не бывает дупел, только вот в таких, лиственных деревьях. Нужно искать самые старые. Смотри внимательней.

Тётка буркнула что-то в духе, что яйца взялись учить старую курицу, и принялась зорко выглядывать нужное дуплистое дерево.

Несмотря на то, что Прошка путался под ногами, нам удалось найти целых три дерева с большими дуплами. Пока что этого было достаточно. Я заторопилась обратно.

-Тётушка, пойдём обратно. Нужно поторопить Тимофея. Сегодня же вернемся сюда с ловушкой. Хотя бы одну семью переселим.

Тетка хлопнула себя по щекам: «Совсем девка спятила! Пчел домой тащить...»

Я досадливо отмахнулась, думая, что улей и ловушку можно сколотить за день. Взяв тетку за руку, я тащила ее за

собой почти так же, как она меня в первый день моего по-
паданства. Если бы тетка Лукерья была из нашего времени,
она бы показала бы меня психиатру, но сейчас мне повезло.
Тётка, видимо, любила меня очень сильно.

Только лишь приговаривала:

– Полюшка, Полинка, быть нам с тобой выпоротыми. Вот тебе крест! - и крестилась свободной рукой.

- Вот увидишь, все получится, - заверила я ее.

Когда мы добрались до дома, я взглянула на полыхающее
лицо Лукерьи. Ей явно было нехорошо.

- погоди, сейчас отыщу Тимофея и вернусь, - с этими сло-
вами я завела тетку в дом, чтобы та немного охладилась. По-
том метнулась в подпол и принесла холодного молока. Бьян-
ка была очень благодарной козочкой: не брыкалась, не ляга-
лась, поэтому я быстро приноровилась ее доить.

- Тётушка, я мигом! Только Тимофея найду.

А тот уже шёл мне навстречу.

- Барышня, что стряслось? Я дрова колот, шум услышал.

- Кстати, - выпалила я, - пойдём посмотрим, какие у нас
есть доски.

Тимофей снял свою лохматую шапку и почесал затылок.

- Нешто сейчас колотить будем?

- Хоть один короб сегодня собрать нужно. Лукерье нехо-
рошо. Сходишь со мной в лес?

Тимофей, надев шапку, сказал:

- Конечно, барышня. А уж короб сколотим запросто.

Меньше чем через час мы шагали к ближайшему найденному нами с Лукерьей дереву.

- Повесим ловушку и вернемся к вечеру, - объясняла я Тимофею.

Тот молча кивал.

Я волновалась за Лукерью. Хорошо, что батюшки не было дома, и он не мог обнаружить ее отсутствия.

Тимофей осторожно спросил:

- А почему идти надо вечером?

- Потому что днем все пчелы в поле, и только к вечеру собирается вся семья.

Мы установили ловушку с прикормкой, которую я захватила с собой.

- Барышня, - сказал Тимофей, - я короб с вашими пчелами сам потом проверю, а вы посидите с Лукерьей. Я вам и баньку истоплю.

Сидя в жарко натопленной бане, я поняла, чего мне не хватало. Лукерья неистово хлестала меня по спине березовым веником, и было очень хорошо.

- Все, родная, хватит, - я поднялась.

Хотелось скорее узнать у Тимофея, что там с пчелиной семьей.

- А ты так и будешь свинью в доме держать? - вдруг спросила Лукерья с веником в руках.

- А что ж его, малыша, на сало? - я лежала на лавке умиротворенная.

- А подрастет, так и на сало. А в доме держать не след! -

Лукерья прибиралась в бане, пока я отдыхала.

- Я Прошу люблю. И ни на какое сало его не отдам.

Возмущение не получилось, потому что я знала, что моего любимца никто не тронет.

Выйдя из бани, мы увидели Тимофея.

- Барышня, на ваше угощение весь рой собрался.

Я обрадовалась.

- Замечательно!

- К утру сколочу домик для ваших пчелок. Они до утра-то не разлетятся?

Я рассмеялась:

- Не волнуйся! - и неожиданно для него предложила: - Тимофей, а пойдём с нами чай пить!

Тот вздрогнул:

- Барышня, да где это видано, чтоб холоп с боярами чаи гонял?

Лукерья тоже метала на меня гневные взгляды и дергала за рукав. Я шикнула на нее и приободрила Тимофея, повторив: «Пойдем, пойдём!».

За столом, заметив как переглядываются Лукерья с Тимофеем, я посмотрела новым взглядом на тетушку. Ведь она была еще не стара, да и Тимофей был мужик хоть куда. По возрасту они подходили друг другу. Конечно, я понимала, что они не ровня. Впрочем, об этом я не стала думать.

Столяр слегка благодарно поклонился и сказал:

- Барышня, пойду я ваш рисунок изучать да колотить.
И ушел.

Лукерья внимательно оглядела горницу:

- Как у тебя здесь уютно, лапонька. И задержушки пошила, и полы повымела, и чугунки как новые.

Я обняла тетушку:

- Батюшка еще не скоро воротится. Оставайся, тетушка. Чего тебе потемну брести.

Мы стали устраивать Лукерье постель на большом сундуке. Проша, вертящийся у нас под ногами, ткнулся своим сладким розовым пяточком в щиколотку тетушке, и та, не удержавшись, почесала его по спинке.

Когда все улеглись спать, в темноте раздался голос Лукерьи:

- Полюшка, а может, к батюшке пойти на поклон? Чего по лесам бегать? Да и по деревне тебе, как раньше, скакать не пристало!

Я лежала и думала: «Как объяснить родственнице, что «уж замуж невтерпез!» - это не про меня? Всю прежнюю жизнь меня никто не любил и не ценил. Теперь же появился шанс сотворить новую судьбу своими руками. И не пойду я ни за кого, кроме как по любви.»

- Тетенька, родная, послушай: не выйду я замуж за нелюбимого. Хочу, чтоб муж ценил и уважал меня. А если не сумею найти суженого, буду заниматься своими пчелами.

Тетка встала с сундука, под села ко мне и коснулась моих

волос.

- Детонька, я же тебе только добра желаю.

А я вдруг поняла, что никто никогда ко мне так не относился. И расплакалась.

Прикоснувшись губами к ее руке, захлебываясь слезами, проговорила:

- Спасибо тебе, родная моя.

Глава 9

Меня разбудили голоса за окном. Прошки рядом не было, это было странно. «Что с ним?» - испугалась я. Моим глазам предстала ужасная картина: мой любимчик лежит на блюде с яблоком во рту, обложенный овощами.

Быстро натягивая сарафан, я стала звать Лукерью, но та не отзывалась. Я выскочила на крыльцо и увидела такую картину: тетушка что-то грозно выговаривала Тимофею, грозя пальцем, а вокруг них, похрюкивая, скакал поросенок.

У меня отлегло от сердца.

- Доброго утречка, барышня, - поклонился мне мужик, а Лукерья кинулась ко мне:

- Деточка моя, что ты поднялась так рано?

Мои ноги подкосились, и я села на ступеньку.

- Я уж решила, что вы с моим Прошей что-то нехорошее удумали.

Тетушка смотрела на меня недоуменно.

- Что ты, душенька? - всплеснула она руками. - Кто ж тво-

его поросся тронет? Ты хоть наказанная, но княжна.

- А чего вы ругались? - спросила я, подхватывая на руки Прохора, который, как мне показалось, хорошо прибавил в весе.

«Маленький мой, никому тебя не отдам!» Чмокнула я свинёнка в макушку.

Немного успокоившись за участь моего любимца, я опустила его рядом с собой.

- Да вот говорю, что сама пойду за твоими пчелами, а Тимофей вместе идти хочет! - Лукерья воинственно встала рядом со мной, ожидая поддержки.

Тимофей, вопреки обыкновению, не смотрел в землю, а так же возмущенно смотрел на тётушку. Впрочем, было во взгляде этом и кое-что другое, схожее с восхищением.

- Я же что говорю, барышня, что доколочу ваши домики и схожу, ежели вы прикажете.

«Брейк!» - мысленно объявила я, как заправский рефери.

А вслух сказала:

- Конечно вместе, только попозже. Доколотишь и сходите. А мы с Прошей обед приготовим.

Поросёнок, привалившись к моим ногам, разумеется, не спорил.

- Пойду Бьянку подою, - вспомнила я. На изумлённые взгляды я привыкла не обращать внимания.

Тётушка засобиралась сбегать к себе переодеться. «Сарафан да платок покрасивше» - мысленно перевела я.

Однако нужно было ещё проверить, насколько точно Тимофей сколотил улей.

Всё было исполнено филигранно: и съёмное дно, и рамки, в которых пчёлы отстраивают соты. Кормушка, прилётная доска. Я была в полном восхищении. Можно было переселять лесную семью в новый дом и надеяться, что им там понравится.

Однако это дело я решила отложить до вечера. Для меня это было сакральное действие, и не хотелось торопиться.

Пока можно было позаниматься простыми домашними делами: подоить Бьянку, собрать яйца у несушек, смахнуть пыль в доме, приготовить щи. От предвкушения всей этой уютной рутины мне даже сладко стало.

Первым делом я пошла к Бьянке. Конечно, моя милаха уже меня ждала. Доить козу оказалось делом нехитрым, и сегодня я уже не боялась. Белоснежные струйки бойко били в деревянное ведёрко, а я приговаривала:

- Моя ты, беляночка, красавица...

Коза переминалась и жмурилась. А я была счастлива.

Собирая позже яйца, которых курочки принесли сегодня целых двадцать три штуки, я поймала себя на мысли, что в принципе могла бы жить так и в прошлой жизни. А что? Дедовская земля была, ничего не мешало. Но я ничуть не жалела, что оказалась здесь. Всё было так... ну, как в сказке: страшно и смешно. И я уже боялась, что меня унесёт обратно, в ту беспросветную серость.

Вернувшись в дом, я снова мысленно поблагодарила князя Рахманова за «приданое»: занавески, коврики-дорожки, ладненькая посуда. Я даже поплевала через левое плечо, чтобы не сглазить. Потому что всё могло вмиг измениться. Занимаясь такими «рутинными» делами, я даже не подозревала, насколько крутой поворот мне предстоит.

Но пока что я с упоением шинковала капусту для щей, не зная, что меня ожидает.

Через несколько часов примчалась Лукерья. Щи уже давно томились в печи и благоухали на весь дом. А я занималась тестом для пирога.

- Тётушка, если ты голодная, то можно пока молока попить. Какое же оно у моей Бьянки сладкое! - предложила и похвалилась я заодно.

Лукерья нарядилась, как на свадьбу. Причем на собственную. Однако я сомневалась, что Тимофей стянет свой тулуп даже в июле. Наверное, это был его способ защиты от внешнего мира... И я надеялась, что в этом походе в лес они не забудут про моих пчёл.

С другой стороны, хотелось бы увидеть, как улыбается или даже смеётся суровый Тимофей.

Отправив парочку в лес, я села вспоминать, как в точности пересаживают лесные семьи в улей.

День очень подходил: был тёплым, даже жарким. Внезапно я заволновалась, что забыла произвести дезинфекцию улья. Под рукой была только зола из печи, и я кинулась вы-

гребать и измельчать её. Слегка размешав её с водой и маслом.

«Печка накормит, печка согреет, печка вылечит» - вспомнила я дедушкины слова. А может быть, и не вспомнила, а он подсказал откуда-то сверху?

Промазав углы новенького улья, я немного успокоилась. Растолкла и развела до густоты сиропа кусочек сахара, заложила прикормку.

«Всё получится, всё получится» - уговаривала я себя.

Оставалось только дожидаться Лукерью и Тимофея, чтобы переселить пчёл. Сама бы я не справилась с двумя тяжеленными ящиками.

Тут мне опять пришлось хвататься за голову. Дымари! Как же я могла забыть. Однако смастерить их было не из чего. Оставалось надеяться на смекалку Тимофея, объяснив саму идею и задачу.

Задымление приводит к тому, что выделяемые пчёлами пахучие вещества, сигнализирующие об угрозе для пчелосемьи, нейтрализуются. Кроме того, при задымлении пчёлы наполняют зобики мёдом. В таком состоянии пчела не может жалить, потому что не может согнуть наполненное брюшко под нужным углом.

Я взяла Прошку на руки и ходила по горнице, думая, что ещё могла забыть.

Потом немного успокоилась. В общем-то, переселить можно было и завтра с утра. Проша забавно похрюкивал, и

я, не удержавшись, чмокнула его в пяточок.

Я невольно пожалела, что скоро он вырастет и не поймёт, почему его не берут на ручки.

Вернувшиеся Лукерья с Тимофеем выглядели помолодевшими. Видимо, тётушка не зря наряжалась.

Он тащил короб с новым уловом. А она, я не поверила глазам, несла его тулуп.

«Ура! У меня будет уже два улья!»

Потом мы все вместе ели мои щи и пироги. Тимофей ещё стеснялся сидеть с нами за одним столом, поэтому быстро ретировался, чтобы мастерить дымарь. А тётушка сидела раскрасневшаяся и довольная. Нескромных вопросов я не задавала. Только улыбалась, глядя на неё.

Моя заботливая родственница просто помолодела!

- Останусь-ка я и на сегодня, Поленька, - объявила Лукерья. - Так у тебя славно.

Я возражать не стала: всё и так было понятно. И приятно.

Глава 10

С утра я долго ходила вокруг двух ловушек с дымарём, который соорудил Тимофей: приступать было страшно. У Тимофея с Лукерьей тоже был испуганный вид. Только они боялись быть искусанными, а я другого: что не получится.

Пчелы от дыма немного захмелели, и я кивнула своим помощникам, мол, пора. Всё оказалось совершенно не так уж и сложно. Маленькой мягкой метёлочкой мы аккуратно стрях-

нули рой в новый дом. Закрыв крышку, я постояла немного, ожидая, что новосельцы начнут вылетать. Однако выводы делать было рано. И мы занялись вторым роєм.

В последующие несколько дней можно было подумать, что я только отдыхаю и релаксирую, сидя на травке возле своих пчелиных домиков, любуясь плодами своих трудов и предвкушая результаты.

Конечно, и это тоже, а как же. Но в то же время в моей голове происходила непрерывная аналитическая работа, я вела своеобразный дневник наблюдений. Какой силы семья находится в улье: чем сильнее семья, тем более активный лёт пчелы наблюдается при хорошей погоде и наличии взятка и наоборот. С какой культуры идёт взяток.

На прилётке перед летком можно заметить не только вымазанных в пыльцу определенного цвета пчёл, но и потерянную ими обножку. Попробовав обножку на вкус, иногда можно определить, с какого растения она собрана. Нет ли в семье аскосфероза.

Если в семье аскосфероз, то можно заметить, как пчелы периодически выносят белые комочки из улья. И многое-многое другое.

Иногда я задумывалась: а могла ли я, дошкольница, столько запомнить из того, что рассказывал мне дедушка? И как могли с точностью всплывать в голове знания, полученные из прочитанных книг после стольких лет? Может, откуда-то подсказывает дед - мой ангел-хранитель? Потом перестала

задумываться над этим. Что толку копать? Помню, знаю - и слава Богу, как говорится. Буду благодарить и работать.

Послышались голоса со стороны ворот, и я подскочила. Лукерья с Тимофеем были в лесу: отсаживали очередной рой. Это не могли быть они. Мне стало тревожно.

Я неуверенно направилась к дому, гадая, кто мог нанести мне визит. За всё это время нас никто не беспокоил. Батюшка ещё не вернулся из своей поездки, Лукерья раз в день отлучалась проверить хозяйство, где всё шло своим чередом, и приносила новости из деревни. Которые в основном интересовали Тимофея. Они сидели по вечерам на крылечке и о чём-то своём беседовали. Я слушала их голоса и уютное сонное похрюкивание Проши, лёжа в своей постели, отдыхая после очередного трудового дня, и постепенно засыпала. В эти предсонные минуты у меня создавалось впечатление, что вот из нас всех и состоит наш мир.

Но сегодня оказалось, что кроме домашних существует ещё кто-то.

Возле ворот, не решаясь идти дальше, столпилась стайка девушек. С любопытством оглядывая подворье, они смеялись и переговаривались.

- Вот она, вот она! - слышался чей-то звонкий голосок.

- Княжна Полинка! - они двинулись ко мне. А я, наоборот, встала, не зная, как реагировать.

- Совсем как простолюдинка стала, - донесся до меня шепоток.

Оглядев себя, я поняла, что вид для гостей был неприглядный: босоногая, сарафан рабочий, испачканный. Волосы успели растрепаться, пока я занималась делами и доила Бьянку, которая именно сегодня была не в настроении. В общем, как говорится, всё сошлось.

- Здравствуйте, - осторожно поздоровалась я. Скорее всего, это были мои деревенские подружки, о которых упоминала Лукерья.

Девчушки ринулись ко мне и обступили, радостно приветствуя на все лады. Наверное, княжна была человеком не гордым и держалась с ними на равных. Знать бы кого как зовут...

- Совсем не приходите к нам, - упрекнула одна из гостей: чернявая, смуглая, сама рослая, - Ладно, батюшка на вас осерчал, но вот уже которые дни его нет, мы ждём-пождём вас да новостей.

- Как вы туточки? - подхватила другая, с правильными чертами лица и красивыми серыми глазами.

- Да вот... обживаюсь, как получается, - неловко отвечала я, думая, что делать с ними дальше. В дом позвать, пасеку свою показывать? О чём можно говорить, о чём нельзя?

- Чего ж теперича будет, - тихонько вздохнула третья. Маленькая и рыженькая, вся, как куриное яичко в крапинку.

На моё спасение вернулась Лукерья. Она издалека принялась по-свойски отчитывать девчонок.

- Ну вот! Явились сороки! И сарафаны не запылились.

Языками чесать.

- Тётушка Лукерья, да мы повидаться, - робко ответила рыженькая. - Соскучились же.

- Ты, Забава, помалкивай. Не то осерчаю и впрямь, - Лукерья шумела, а я невольно улыбнулась про себя: у неё в волосах торчали травинки. И сердилась тётка не всерьёз.

Рыжая Забава покорно опустила глазки, а сама озорно хихикнула и незаметно от Лукерьи дотронулась до моей руки.

Мне стало легче: кажется, подружки у меня были неплохие. Однако доверять всё и сразу не стоило. Мне надо было быть осторожной.

- Тётушка, не ругайся, - мягко сказала я. - Давай лучше гостей встречать как следует - самовар растоплять, пирожки стряпать.

Тётка всплеснула руками.

- Деревенских в господский дом, за стол! Совсем сбрендила, Полина?!

Я равнодушно пожала плечами на её слова.

- Батюшка этого не запрещал. А сказал: живи, как хочешь. Значит: мой дом - мои правила. Ну, давай, привыкай по-новому, душа моя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.